

Вслед за Тошуком мы вышли через дверной проем – самый что ни есть обыкновенный. Люки, замаскированные под мшистые кочки, остались в прошлом. Мы оказались в большой комнате с земляным полом и каркасными стенами, затянутыми тряпками. Прямо напротив выхода пологи были подняты, и солнце – уже, впрочем, закатное – освещало работавших здесь людей. Слева стояли несколько станков – похоже, ткацких. Сидевшие за ними мужчины и женщины с ритмичным стуком поднимали и опускали планки, подбивая ряды полотна. Повернувшись к нам со своими всегдашними вежливыми улыбками, они тут же снова погрузились в работу. Кроме них, несколько человек занимались шитьем и вязанием. Я заметил, что мужчины здесь так же ловко управлялись с иглой и вязальным крючком, что и женщины. Остальные чинили мелкую утварь – кто-то стучал молотком, выпрямляя помятый котелок, кто-то сверлил дырки в металле, быстро вращая колесико ручного сверла. Комната была наполнена стуком и гулом – не слишком, впрочем, громким. Среди работавших было много детей, и все они тоже казались очень занятыми. Опять-таки никто из них не обратил на нас особого внимания, словно появление внешних экскурсантов из подземного хода в это время дня было здесь в порядке вещей.

- Интересно, что нужно сделать, чтобы они хоть чему-нибудь удивились? – пробурчал Ержи.

- Давай не будем проверять, а? – усмехнулся я.

Мы вышли на улицу и увидели ту самую поляну, откуда до обеда уходили за ойтом. Комната, куда нас вывел тоннель, оказалась торцевой частью большого мужского дома. Странно, что я прежде не заметил, что сбоку там размещались мастерские. Правее дома дымились костры кухни. Там сустились несколько человек – видимо, готовили ужин. Среди них была и Кен, которая давеча отправила нас за травой. Заметив нас, она повернулась и приветливо помахала.

- Наверное, вы устали? Говорят, у вас был длинный забег по подземелью? – спросила она, когда мы подошли.

Мы переглянулись: определенно, здесь невозможно ничего скрыть.

- Хотите пить? – она зачерпнула большой ковш воды и подала нам.

- Спасибо. – Я с жадностью припал к блаженной влаге. – Нам очень неловко, что мы... заблудились и столько времени проболтались зря.

- Ну что вы, ничего страшного. Думаю, за это время вы смогли узнать что-то новое о нас, так что все было не зря.

- О да! – промычал Ержи, не отрываясь от ковшика.

Вода текла у него по бороде.

- Если у вас еще есть силы, то можно помочь на кухне. У Меб – она временно заменяет заболевшего повара – сейчас много работы.

Мы посмотрели в ту сторону, куда она показала, и увидели Меб. Ею оказалась по местным меркам довольно высокая, ростом с меня, девушка лет двадцати пяти. Ее платье – точнее, просто удлиненная рубаха, доходящая до икр и перехваченная плетеным пояском с какими-то висюльками – была довольно темной, почти бурой: похоже, свежая краска еще не успела вылинять с полотна. Такой же бурой была ее косынка, из-под которой выбивалась длинная каштановая коса.

- Да, работы много, потому что Меб, увы, неопытная повариха, - усмехнулась обладательница этого имени, заслышав разговор о себе. - Но если вы до этого помогали Хобу, то вместе, надеюсь, мы справимся с ужином.

Мы с воодушевлением подступили к котлам. Оказалось, что Меб ничуть не преувеличивала: она действительно готовила несколько хуже, чем наш прежний наставник, и помощь была кстати. Я подумал, что впервые встречаю в Сабинянии не супермена, способного на все, а обычного человека, который, как и я, может чего-то не уметь. Признаться, это открытие немного успокоило меня, особенно после пережитых волнений. Совместными усилиями мы в итоге сварили кашу. Она вышла более пресной, чем у Хоба, но была вполне съедобной и, главное, сытной. Чай готовил я сам. Скажу не без гордости, что это простейшее блюдо у меня получилось отлично.

Тошук сразу после ужина снова куда-то исчез. Да и прежде он нигде подолгу не задерживался. Я видел его то тут, то там; он обменивался быстрыми фразами с разными «колхозниками», помогал кому-то в работе и снова уходил, словно страшно куда-то торопился. Впрочем, я не очень придавал этому значение. У меня была работа при кухне, я чувствовал себя нужным, и это сообщало моей душе покой. А самое главное - похоже, никто не собирался наказывать нас за самовольное проникновение в подземелье.

- Как называется эта ферма? - спросил я Меб, усиленно отдирая нагар от котла.

Справедливости ради, у Хоба таких побочных эффектов, как пригоревшая пища, было меньше.

- По-разному. Иногда просто «Ойт». Иногда - «Картофельное поле». Когда здесь сажают картошку. Иногда - «Коровы и козы».

- Но все понимают, о чем идет речь?

- Конечно.

Все уже поужинали и разошлись по своим делам. Кто-то брился у ручья, кто-то купался. Ручей здесь был только один, зато широкий и полноводный. Шум воды слышался издали, а выдолбленная в камнях купальня была размером с небольшой бассейн. Сейчас уже стемнело, но плеск воды и голоса с той стороны свидетельствовали, что водные развлечения здесь очень популярны. Я залез в ледяную воду только один раз, и мне этого вполне хватило. Ержи, наоборот, так вошел во вкус, что пропадал на ручье уже битый час, попутно знакомясь с местными обитателями.

Я покончил с котлом и устроился у костра, потягивая травяной чай и наслаждаясь неподвижностью. Лишь одна мысль не давала полностью расслабиться: ни один из солдат, бывших тут днем, пока еще не вернулся. Многих из них, как я теперь припоминал, мы встретили в подземелье: они бежали в сторону гор. А теперь и Тошук ушел, и спросить, чем закончился инцидент на границе, было не у кого. Я приглядывался к сабинянам и пытался понять, что они думают обо всем этом. Но, как всегда, их лица выражали спокойную безмятежность. «Нет, не может быть, чтобы им было все равно!», - думал я. И вдруг я почувствовал что-то странное. Как будто на несколько секунд все вокруг померкло. Посреди темноты я увидел... нет, не увидел, потому что это было не зрение, а какое-то иное ощущение. Вокруг замелькали неясные тени - я одновременно видел, слышал и осязал их. Я чувствовал боль, но в то же время мне казалось, что я же являюсь и источником этой боли. Рядом будто бы проносились стрелы, хотя на стойбище было тихо, и кричали сотни людей, хотя я не слышал ничего. Я уронил свою чашку-пробирку и прижал руки ко лбу. Когда я отнял их, наваждение

исчезло. А открыв глаза, я встретил взгляд Меб – она внимательно смотрела на меня, чуть нахмурясь. Но ее огорчило явно что-то иное, нежели разлитый чай.

Словно по команде, мы встряхнулись. Я с извинениями подхватил пробирку и машинально потянул к себе уже очищенный котел – нужно было хоть что-то делать. Меб тоже было вернулась к своим делам. Мне показалось, или она почувствовала то же, что и я?

- Ты уже хорошо отскреб. У меня так не получалось. Можно нести споласкивать, - с улыбкой сказала она некоторое время спустя. – Сейчас я закончу свое, и пойдем.

Я подумал, что она была бы рада поговорить о чем-нибудь, чтобы не думать о том видении.

- Ты родилась здесь? – спросил я.

- Да, конечно. В мои годы новых членов в общину уже не принимали.

- А твои родители? Они «внешние»?

- Мама родилась уже здесь. Она родила меня в 16 лет, - пояснила Меб, заметив мое удивление.

- А отец – да, он пришел сюда среди первых поселенцев.

- Они живы?

- Нет, увы. Здесь мало кто живет больше пятидесяти лет. А мама умерла еще моложе.

- Это огорчает тебя? – помолчав, спросил я.

- А как ты думаешь? – она повернула ко мне лицо, но на нем не было раздражения или обиды, только искреннее вопрошание.

- Прости. Конечно, огорчает.

- Все умирают, - она спокойно вернулась к своему котлу, который терла пучком жесткой травы.

- Это очень больно, но с этим ничего не поделаешь. Если бы все наши желания исполнялись, знаешь, что бы с нами было?

- Хм, наверное, ничего хорошего... А та повариха, которую ты заменяешь? Что с ней случилось?

- Заболела. Должно быть, какой-то вирус. Она сейчас в мужском доме. В нем есть специальная комнатка для больных. Там тихо, в отличие от женского дома. За ней ухаживают Ти и Шел. Они очень хорошие лекари.

Я подумал, что помещать вирусного больного в общую палатку, где он будет отделен от других спящих только тряпичными стенками – это однозначно спровоцировать заражение всего стойбища. Но говорить ничего не стал.

- Для серьезных больных у нас есть отдельные дома, - сказала Меб, прочитав мои мысли. – Но у Они болезнь протекает, к счастью, в легкой форме. Ей просто нужно отлежаться.

Я встал, чтобы отнести котел к ручью. Меб поспешно поднялась и подхватила свою часть посуды.

- А ты, получается, совсем одна? Или у тебя есть братья, сестры, муж?

Это прозвучало как-то двусмысленно, но Меб, кажется, ничего такого не заметила.

- У меня была одна сестра, но она умерла ребенком. У родителей были еще дети, но они умерли так рано, что я их и не помню. Так что я одна.

Она не ответила на вопрос о муже. Я не решался переспрашивать, но она заметила это сама, почувствовав мою мысль.

- Я не замужем. Не получилось.

Мы дошли до полоскальной ванны, и Меб погрузила свой котел в прозрачные струи.

- Как так не получилось?

- Ну, обыкновенно. – Она слегка улыбнулась, болтая котлом в воде при свете масляной лампы. – Не получилось совпадения моего желания и желания другого человека.

- А, понятно. Ты была в кого-то влюблена, и тебе не ответили взаимностью?

Было удивительно, как легко и просто получилось у меня задать этот вопрос. Это точно было в первый раз в моей жизни. Может, темный вечер и свет лампы способны избавлять от застенчивости?

- Я и сейчас влюблена. Это чувство так легко не проходит.

- А тот парень... он знает о твоей любви? Ты ему говорила?

- Нет, не говорила. Но он, конечно же, знает. Это ведь легко увидеть.

- И он тебе сказал... ну, что ты не в его вкусе? Или как он это сказал?

Миб рассмеялась.

- Что ты, разве о таких вещах можно так говорить? Нет, мы вообще с ним об этом не разговаривали. Но он прекрасно знает, что я чувствую, а я знаю, что чувствует он. Я знаю, что он очень тепло ко мне относится, и очень мне сочувствует. Но он ничего не может с этим поделать. Ведь сердцу приказать нельзя. Вот так.

Мы закончили, собрали посуду и пошли назад. Все, что говорила Миб, было правильно и логично, и я уже не раз встречал подобные рассуждения в романах и в книжках по психологии. Но мне всегда казалось, что люди, воспевающие такие «естественные отношения», кривят душой. Ведь если человеку нужна любовь, он не сможет довольствоваться дружбой и взаимопониманием. Впрочем, Миб и не говорила, что довольна.

- И... как ты утешаешься?

- Никак. Разве это можно утешить?

- Хм. Получается, ты страдаешь? – Я удивленно на нее посмотрел.

- Что тебя удивляет? Конечно, страдаю. Но это же естественно в моем случае.

- Да, конечно. Просто... я думал, что вы, сабиняне, умеете смиряться с любыми невзгодами. Что вы – этакие стойки.

- Стойки? Это которые учили радоваться тому, что имеешь? Но это же невозможно. А если для кого-то это возможно, то, значит, это не человек, а животное, у которого нет сложных чувств. Но у нас-то они есть. Так что мы, как и все, умеем страдать от неразделенной любви. Другое дело, что у нас не принято культивировать страдания. Мы знаем, что в нашей личной боли никто не виноват, включая того, кто не ответил нам взаимностью. Ты спросил, чем я утешаюсь? Знаешь, я была неправа, сказав, что ничем. Я утешаюсь нашим миром, нашими добрыми людьми, своими обязанностями и необходимостью спасти Сабинянию во что бы ни стало. Я говорю слишком пафосно, да?

- Нет, ничуть...

Мы расставили посуду по местам и снова взялись за пробирки с чаем.

- Но что же тогда делать? Неужели придется горевать всю жизнь?

- Может, и придется. А может, Сабина пошлет мне счастливое забвение. Может, я просто умру, и не буду долго мучиться. Разные есть варианты, - улыбнулась она.

Клянусь, в ее словах не было ни преувеличенной рисовки, ни слезного отчаяния - ничего того, что обычно сопровождает подобные реплики. Она объясняла кратко и просто, словно намечала план сельхозработ на будущий год.

- Как же это грустно, - пробормотал я.

- Наверное, если бы мне было слишком грустно, я бы не выдержала и покончила с собой. Но раз я этого не делаю, значит, мне не так уж и плохо.

- У вас это разрешено?!

- Что разрешено? Самоубийство? А как это можно запретить? Это акт отчаяния, когда человек больше не может терпеть. Как нельзя запретить любить, нельзя запретить и распорядиться своей жизнью.

- А у вас много самоубийц?

Она подумала, посмотрев на меня.

- Нет, немного. Но они бывают.

У меня в голове стремительно проносилось - стойки, Япония, харакири, путь воина, гиперрационализм, разумный эгоизм, Чернышевский, сны Веры Павловны... Все это звучит так складно, когда читаешь об этом в книге. Но когда встречаешь человека, который действительно живет по этой программе, это кажется невероятным. «Бывают самоубийцы», сказала она. Это что-то новенькое. Значит, есть страдания, от которых «сабинянское чудо» не знает лекарств...

- Знаешь, а ведь мне именно сейчас стало легче, - вдруг сказала она, подняв глаза. - Я поговорила с тобой, все тебе рассказала, и меня как-то посветлело на душе... Хотя я не сказала ничего нового ни для себя, ни для других. И все же - мне легче.

- Это такая психотерапия, - усмехнулся я. - У нас она давно в моде, уж оскомину набила. Ну да тебе ли не знать? Американская школа психоанализа. Нужно, мол, обязательно проговорить с кем-то свою беду, поделиться ею, и тогда станет легче. Твой собеседник как бы возьмет часть

проблем на себя. Ну и самой тебе многое станет понятней, а значит, будет проще найти решение. Все эти клубы взаимопомощи, психотренинги... Хм, но получается, это как раз культивирование страдания, за которое мы так бичуем наше общество! – рассмеялся я. – И я, который так восхищался вашей традиционностью и смиренностью, сейчас, выходит, тебя развращаю.

- Не развращаешь, не беспокойся, - засмеялась Меб в ответ. – Во-первых, и у нас друзья утешают друг друга. А во-вторых, не может быть такого, чтобы абсолютно весь культурный багаж вашего мира был вреден. Что-то должно быть и полезно. Просто не стоит перебарщивать, вот и все.

Мы немного посидели молча.

- Слушай! – вдруг сказал я. Странное дело: с Меб мы сразу стали говорить друг другу «ты», с первой минуты. И я даже не заметил этого. – Слушай, а ведь у вас так много прекрасных парней, каждый из которых – ну прямо готовый герой для Голливуда. Только он настоящий, рядом, из плоти и крови, а главное – он скромен и не осознает своего героизма. Ну, например... - Тут я вспомнил, что не знаю имен ни одного из здешних суперменов. Я ведь так и не спросил, как зовут Треххвостого, Двукосого, Многокосого и всех остальных, на которых я смотрел, раскрыв рот. – Неужели ни один из них не вызывает в тебе чувства, которым можно было бы заглушить твою страсть? Ну, не сразу, так хоть со временем! Извини за пошлую формулировку, но ты же живешь тут прямо в цветнике прекрасных мужчин!

М-да, выходило уж слишком откровенно. Я уже начал было стыдиться своего порыва, но Меб кивнула с самым серьезным видом.

- Конечно, я это осознаю. И конечно, эти прекрасные люди не могут не вызывать у нас, женщин, сильных чувств. Скажу больше – именно один из них и есть объект моей любви. Так что, как видишь, мое чувство совершенно естественно. Ты сам мне его посоветовал, - снова улыбнулась она.

Ну да, как же я мог не догадаться! Конечно, это кто-то из них, восхищающих своей самоотверженностью, стойкостью и добротой. Кто-то из этих сильных и мудрых ангелов. Как, должно быть, им грустно сознавать – им, стоящим бесконечно выше подобных страстей – что они стали причиной банальных женских страданий! Я был уверен, что тот же Треххвостый никогда бы не стал радоваться, узнав, что с налету покоряет женские сердца. Огорчился бы, что заставил страдать невинную душу – вот это вернее всего. Но как же все-таки его зовут? Вот я осел! Почему я до сих пор не спросил его имени?

- Эгр.

- Что?

- Человека с тремя светлыми хвостами зовут Эгр, - сказала она.

Я смутился. Она, как и другие, видела все, что приходило мне в голову. Впрочем, я так и не узнал, был ли Эгр тем самым невольным возмутителем спокойствия ее души, или она просто решила сообщить мне имя того, о ком я подумал.

Поляна уже опустела; большинство обитателей стойбища расположились на ночлег. В темноте изредка мелькали светлячки масляных ламп, да за тряпичными полами домов двигались размазанные световые пятна. Было очень тихо, если не считать неумолчного треска цикад. На Трех Ручьях я слышал их лишь изредка, а здесь мощный хор оглашал поляну со всех сторон.

В круг света наших ламп вбежал мокрый и счастливый Ержи.

- Слава Богу, успел! А то уж было подумал, что все разошлись, и мне придется спать у костра. Потому что, конечно, я уже забыл, в какую ячейку кинул свои вещи. А лампой не озаботился...

Он перечислял свои промахи с радостной улыбкой. Похоже, то, ради чего он опоздал, стоило того, чтобы заночевать на улице.

- Ты так долго купался! Не замерз?

- Нет! Знаете, я нашел там таких интересных собеседников! Они... вот только забыл спросить, как их зовут. Ну надо же! Нет, надо догнать, спросить...

- Ру, - произнесла Меб.

Ержи, уже собравшийся бежать назад, остановился.

- Что Ру?

- Девушку, с которой ты разговаривал, зовут Ру.

- Ах, да... Вот ведь оно как! Значит, Ру. Постараюсь запомнить...

Ержи выглядел застигнутым врасплох, и я деликатно опустил глаза. Но Меб, похоже, и тут не нашла ничего такого, чего бы следовало стесняться.

- Она тебе понравилась?

- Э-э... ну... вобщем-то да...

- Ничего удивительного. Она красивая и ласковая.

Даже при свете лампы было видно, как Ержи покраснел.

- А ничего, что я... ну... Я хотел спросить, а здесь девушкам разрешается так долго общаться с иностранными мужчинами?

- Смотря как общаться. В вашей беседе с Ру не было ничего предосудительного. Не беспокойся, за это тебя не выгонят, а ее не накажут, - рассмеялась Меб, опять прочитав мысли каждого из нас.

Перед сном Ержи был разговорчивей обычного.

- Нет, ты представляешь - она совершенно как наши девушки! Я хочу сказать, как лучшие из наших девушек. То есть она все понимает, все знает, ее нельзя ничем удивить. Но при этом она как бы все время смотрит на себя со стороны чужими глазами. Глазами... знаешь, какого-то старика-философа, который вселился в ее тело и этак внимательно изучает ее поведение... Понятно, что это ерунда, но я иначе не могу объяснить, как молодая девушка может быть такой мудрой!

Идею про стариков, вселившихся в тела молодых, я, конечно, не рассматривал. Но сравнение сабинян с философами, которые произвольно, по собственному выбору решили залезть в шкуру «людей традиции» и пребывать в ней до самой смерти - такая вот жестокая игра на выживание - давно меня занимало. Еще мне нравилась аналогия с японскими самураями - точнее, с их

мифологизированным образом, доставшимся Европе. Такие духовные многостаночники, которые умеют и пейзажные акварели писать, и стихи сочинять, а если надо, то не задумаются и голову отсечь, себе или другому. Но то, что японский миф преувеличивает (и поэты они были так себе, и художники средние, и легендарной воинской доблестью отличались наверняка лишь единицы), сабинянская реальность реализовала последовательно и буквально.

Убаюкивая себя этими размышлениями, я постепенно заснул. Но сон мой был беспокоен. Вокруг меня снова закружились неясные образы, похожие на те, что были вечером у костра. Но теперь я точно знал, что это битва: я видел десятки напрягшихся тел, бегущих ног и рук,метающих копьа и натягивающих луки. Крики, топот и свист стрел слились в один многоголосый гул. Я видел кровь и чувствовал ее запах; я сам пускал стрелы и метал копьа, нанося кому-то жестокие раны. И в то же самое время я был мишенью собственных стрел! Я сам себя ранил. Вот я выстрелил – и я же упал вниз с очень большой высоты. Падая и крича от ужаса, я видел звездное небо и пролетавшую мимо шершавую бетонную стену. Удар об землю – и я проснулся.

Вскочив, я сел на своем тощем матрасике. В предрассветном полумраке на меня смотрело встревоженное лицо Ержи.

- Что это? – прошептал он, опередив меня. – Так это, выходит, был не сон?

Похоже, вокруг нас уже проснулись: внутри и снаружи дома слышалось озабоченное шлепанье десятков ног. Мы быстро оделись и выскочили наружу. Посреди поляны теснились огоньки масляных ламп; там собралось чуть ли не все стойбище. Мимо нас пробежали Меб и Кен.

- Что случилось? – крикнул я.

- На стене в горах возобновился бой, - сказала Меб, остановившись. - Какие-то то ли леваки, что ли преступники, то ли непонятно кто. Они якобы пришли мстить за того туриста, которого наши ранили днем. Но теперь они хорошо вооружены. Среди солдат много раненых. Мы идем им на помощь.

Она умолкла, выжидательно посмотрев на нас. Мы с Ержи тут же, в один голос, вызвались идти вместе со всеми. Не прошло и десяти минут, как наша длинная колонна (даже не знаю, остался ли кто-то на стойбище), освещенная десятками масляных ламп, уже двигалась по подземному коридору. Ержи был прав: подземелья здесь использовались для особо важных перемещений. Мы добежали до развилки, где вчера расстались с солдатами, и свернули в ту же сторону. Пол тоннеля начал забираться вверх, сначала плавно, потом резко. Временами становилось так круто, что казалось, мы карабкаемся вверх по шахте, пробитой в толще горы. Странное дело – я был так возбужден, что лишь на середине подъема вспомнил, что должен смертельно запыхаться. Ержи тяжело дышал рядом, но молча шел – должно быть, тоже забыл об усталости. Иногда откуда-то поступала команда остановки. Точнее, не было никакой команды, но все вдруг понимали, что нужно сесть и отдохнуть. Тогда мы сидели минут пять, а потом снова вставали и шли наверх.

Наконец, впереди замаячило четырехугольное окошко, освещенное с другой стороны невидимыми лампами. Наши спутники начали по очереди вылезать наружу. Я предположил, что сейчас увижу, и не ошибся: это оказался лаз во внутреннее пространство пограничной стены. Мы выбрались, и тут группа разделилась. Одна часть свернула налево, другая – в том числе мы с Меб, Кен и Ержи – побежала направо. В нишах горели лампы, но солдат не было видно. Лишь сверху доносились какие-то звуки - то приглушенный стук, то сдавленные голоса. Мы неотступно следовали за девушками, боясь упустить их из виду. Впереди, где была голова

нашей колонны, я увидел несколько ламп, поднимающихся вверх. «Лестница!», догадался я. Так оно и было, разве что «лестницей» служили просто выбитые в бетонной стене полочки, дополненные вертикальными перилами. Сабиняне, подвесив лампы на локтях, вереницей взбирались по ним на крышу. Я думал, что нам придется последовать за ними, однако Мэб и Кен миновали лестницу и побежали дальше. Через некоторое время показался еще один подъем, а затем еще один. Всякий раз несколько человек – опять-таки, безо всяких команд – отделялись от колонны и лезли вверх. Наши провожатые по-прежнему бежали вперед, и мы не отставали.

- Ничего себе линия фронта! – проговорил Ержи, задыхаясь. – Они что, целой армией на Сабинянию наступают?

Я подумал, что для того, чтобы создать проблемы Сабинянии, не нужно армии. Достаточно нескольких организованных банд, которым заинтересованные лица выдадут оружие. (Так оно, кстати, и оказалось). Наконец, очередная лестница забрала себе остаток колонны, и мы остались одни. Скоро показались еще ступени, и тут девушки быстро, как кошки, полезли вверх. Я только успел подумать, что боюсь высоты и вообще, наверное, не справлюсь – как вдруг обнаружил себя уже под самой крышей! Надо мной зияло маленькое синее окошко, а в нем – последние рассветные звезды. И тут я услышал выстрелы. Настоящие выстрелы, а не свист стрел. «Как, кто посмел напасть на Сабинянию?!» – замелькали изумленные мысли. Тут голову обдало холодной свежестью – мы выбрались на крышу. Мэб и Кен, не вставая, быстро-быстро поползли на четвереньках вдоль невысокого бортика. Мы с Ержи сделали то же самое. На фоне бледного неба я сразу увидел беловатые всполохи выстрелов, и услышал их пугающих сухой стрекот. На стене было многолюдно. Солдаты, прячась за бортиками, поочередно высывались, натягивали луки, целились и отправляли вниз стрелы. Не считая этих звуков, здесь было относительно тихо. Зато снизу доносилась настоящая вакханалия палыбы, воплей и угроз. Под нами у подножия стены собралось несколько десятков человек. Я видел их лишь краем глаза, когда чуть-чуть приподнимал голову, и сразу в страхе опускал. Правда, им приходилось прятаться за скалами и кустами, потому что стрелы сабинянских воинов разили без промаха. Судя по долетавшим словам, некоторые из них говорили по-французски. Правда, выговор был какой-то ужасный – то ли арабы, то ли негры. В воздухе я заметил несколько квадрокоптеров. То один, то другой пытались зависнуть над стеной, но это им не удавалось: стрелы тут же сбивали их. Откуда-то издали слышался шум вертолетных винтов. Рискнув приподнять голову, я разглядел над лесом два вертолета – видимо, полицейских. Они нерешительно баражировали на дальней периферии боя, но – это было совершенно непонятно! – и не думали подлетать ближе.

Мы все ползли вперед, и тут я увидел прямо перед собой лежащего солдата. Лицо его было перекошено от боли, зубы крепко стиснуты. Он пытался приподняться, чтобы подползти к борту, но слабость мешала, и он снова падал. Одной рукой он поддерживал другую, пробитую у самого плеча: она была обогрета кровью, и порядочная лужица уже натекла на бетонную поверхность. Я еще не успел придумать, что делать, как рядом очутилась Мэб. Вытащив из сумки какие-то тряпки, она принялась наскоро перематывать рану. Затянув кое-как повязку, она попыталась приподнять парня. Он, кажется, запротестовал, но девушка издала твердый скрежещущий звук, и солдат больше не стал спорить. Да, кажется, уже и не мог: когда она тащила его мимо нас, он был уже без сознания.

- Идите вперед, - она махнула головой. – Там еще раненые!

Солдата она держала под мышками, и ползла спиной вперед, толкаясь ногами. Прямо перед нами просвистели несколько выстрелов. Испуганно нагнув головы, мы с Ержи поползли дальше. Я чуть было не наткнулся на одного из лучников. Он как раз приподнялся, натягивая

тетиву; стрела вылетела, а солдат мгновенно упал плашмя, чтобы укрыться от ответного огневого выстрела. На спине у него болтались две черные косы, и тут я его узнал. На плече у Двукосого (Гора?) обмотки были слегка разорваны, виднелось пятнышко крови. Однако рана, видимо, была не столь серьезна, и руки еще крепко держали лук. Он снова вскочил, опередив ружейный выстрел, и послал ему навстречу новую стрелу. Это было сделано так быстро, что, если бы я не смотрел прямо на него, ни за что бы не отследил это движение. Мы миновали еще нескольких стрелков, и я увидел Треххвостого. Точнее, Эгра. Он сидел, пригнувшись, но вдруг быстро поднялся, размахнулся и метнул вниз короткое деревянное копьё. После этого он снова свернулся, как сжатая пружина. В ту же секунду далеко внизу среди шума вырвался одиночный визг. Вырвался – и сразу погас. Убедившись, что попал в цель, Треххвостый отполз на несколько метров – он это делал гораздо быстрее, чем я – а затем вскочил и метнул еще одно копьё. Запас их висел у него за спиной в кожаном мешке, вместе со стрелами. В ответ снизу раздались выстрелы. Я был уверен, что Эгр не замечает нас, однако вдруг он крикнул, повернувшись ко мне: «Пригнись!» Это было вовремя, потому что я действительно слишком высоко поднял голову.

Рядом на коленях сидел еще один воин. Я успел подумать, что это странно, что он так долго не меняет положения.

- Заберите его! – сказал Треххвостый, перед тем высыпав за стену еще несколько стрел.

Мы с Ержи подползли поближе. Голова солдата свесилась на грудь, и я узнал юного товарища Сота – одного из первых «спецназовцев», которых мы тут встретили. Он был без сознания, а грязное рубище на груди было окрашено темным кровавым пятном. У меня дух перехватило от страха и отчаяния. Я неловко попытался подхватить его, но ничего не получалось; парень сползал на бетонный пол, и мне казалось, что своими усилиями я делаю ему только хуже. К счастью, на помощь пришел Ержи. Он как-то удачно подлез под раненого, перевалил себе на спину и быстро-быстро, как паук, побежал назад, к лазу. Я хотел было двинуться рядом, чтобы придерживать тело от падения, но меня окликнул женский голос. Это была Кен. Пока мы тут возились, она, оказывается, убежала далеко вперед. Там уже не стреляли; должно быть, линия боя успела сместиться в нашу сторону. Но там оставался раненый. В светлом воздухе я разглядел его. Черноволосый парень, стриженный в кружок и тем очень похожий на амазонского индейца. Он был в сознании и пытался сам ползти к нам, волоча пробитую ляжку. Я поспешил ему навстречу, но на четвереньках выходило страшно медленно. Уж не знаю, что пришло мне в голову – или, точнее, что из нее вдруг ушло – но я вдруг решил, что если я сейчас встану и быстро пробегу эти полсотни (примерно) метров, то со мной ничего не успеет случиться. Тотчас я вскочил и помчался вперед огромными прыжками. Раненого я достиг секунды за три; кажется, позади меня успело просвистеть два выстрела. Пока я бежал, мое боковое зрение успело охватить все, что происходило под стеной. Я увидел с десятков огневых точек, из которых то и дело вырывались в нашу сторону белые всполохи. Я видел лица и даже плечи, изредка появлявшиеся из-за скального гребня. Вот одно из них перекошилось от ужаса и боли, пронзенное стрелой со стены; человек осел куда-то вниз и больше не появлялся.

Все это я осознал, уже таща на себе раненого солдата. Не уверен, что я не доставлял ему боли своими неумелыми движениями. Но он был так слаб, что не противился. Больно было мне самому: колени упирались в твердый бетон под тяжестью двух тел, и вскоре это стало невыносимо. Я уже подумывал о том, не лучше ли тащить парня по примеру Меб – то есть спиной, взяв под мышки. Внезапно я остановился. Здесь, у этой выбоины в стене, по пути сюда я видел Треххвостого. Но сейчас его не было, а его место занял Сот. И вообще людей на стене стало заметно меньше. Куда они подевались? Выстрелов снизу тоже как будто поубавились, зато больше стало истошных криков и стонов. Не выдержав, я подполз к борту и, не снимая с плеч своей ноши, осторожно вытянул шею. Первым, кого я увидел внизу, был Треххвостый! Как

раз в этот момент он обнимал сзади одного из нападавших. Обнимал за шею. Он отпустил руку – враг скользнул по его телу и распластался у ног. Эгр, сразу забыв о нем, прыгнул к другому, и тоже прижал к себе его шею в смертельном объятии. Рядом мелькнул Двукосый и еще кто-то из наших. Когда они успели слезть? Как смогли зайти с тыла? Однозначно, их появление было неожиданностью для нападавших. В несколько секунд жаркий бой захлебнулся и стих. Да он и длился, должно быть, недолго. Это мне показалось, что прошло несколько часов. Но больше я не мог смотреть – меня окликнула Кен. Она подползла, увешанная луками и колчанами стрел: наверное, собрала от раненых.

- Идем скорее! – крикнула она.

Мы добрались до нашего лаза. Там была Меб; она делала мне знаки рукой, призывая поторопиться. Над лазом уже была укреплена веревка. Вдвоем мы помогли парню сесть на край люка – он уже начал терять сознание, и без посторонней помощи не справился бы – после чего Меб быстро и умело обвязала его петлей. Затем она нырнула в люк мимо его ног, встала на лестницу и махнула мне рукой: «Спускай!» Я сперва засуетился, опасаясь, что могу уронить беднягу, но тут оказалось, что веревка привязана не просто так: она проходила через три блока. Выдавая последовательно на каждый, я мог спускать свою ношу мягко и плавно. Мы начали. Я опускал, Меб принимала и поддерживала. Одновременно с этим Кен сбрасывала вниз оружие. Она что-то прокричала в лаз, ей ответили, и тяжелые колчаны полетели вниз один за другим. Но стука от падения не было: видимо, там их ловили.

Выстрелы совсем прекратились. Их место занял приближающийся звук вертолета. Оглянувшись, я увидел, что обе «вертушки», до этого бесцельно слонявшиеся по окрестностям, теперь направились к нам. Сначала я испугался, что они хотят принять участие в обстреле, и быстрее заработал веревкой. Но вертолеты очень аккуратно пролетели над границей стены, не задев ее, и зависли над небольшой полянкой, собираясь, видимо, садиться. На них действительно была полицейская маркировка. Уже совсем рассвело, и я хорошо видел пилота в темных очках и наушниках, высунувшегося из кабины.

Стена почти опустела; последние солдаты подбежали к нашему лазу. Двое, отстранив меня, принялись сами спускать раненого; у них дело пошло значительно быстрее.

- Полезай вниз! – слышался над самым ухом голос.

Это был Сот. Я начал неловко примериваться, чтобы пролезть в отверстие мимо веревки. Тогда один из солдат, придерживаясь рукой за край, прыгнул первым. Удивительно, но он не упал вниз, а сразу же крепко уцепился за перила.

- Давай сюда, я держу! – крикнул он, протягивая мне руку.

Наконец, я кое-как слез внутрь. За мной друг за другом попрыгали остальные. Последней спустилась Кен. Крышку люка она, видимо, заперла, потому что снизу неба уже не было видно, и шум вертолетных винтов пропал. Впереди, метрах в пятидесяти, я увидел скопление зажженных ламп и группу людей, и побежал туда. Оказалось, там был развернут небольшой лазарет. Пол застелили одеялами, на них положили раненых. Над каждым трудилось по несколько человек – одни обрабатывали раны и перевязывали, другие светили, третьи отвлекали пациентов разговорами, не давая им лишиться чувств. Над одним пареньком склонились Ержи и какая-то рыженькая девушка; она действовали настолько ладно, что, не зная я своего приятеля в лицо, принял бы его за сабинянина. А девушка... почему-то я понял, что это и есть вчерашняя Ру, которая так любит купаться.

Многие ранения были серьезны, но никто из пострадавших не кричал. Лишь те, кто был в полубытьи, слабо стонали сквозь зубы. Неожиданно я увидел Тошука. Он сидел в сторонке, рядом с раненым. Он ничего не делал с ним, да и солдат тоже лежал неподвижно. Подойдя, я все понял. Помочь ему было уже нельзя. Это был тот самый юный товарищ Сота, которого вытащил со стены Ержи. Я остановился. Тошук заметил меня и поднял голову.

- Надо спешить, - сказал он без предисловий. - Пойдем со мной.

Он поднялся.

- Понесем раненых?

- Нет, здесь достаточно людей. Ты нужен для другого дела. Очень срочно.

<http://tl.rulate.ru/book/60095/1568334>